

Виктор смотрел, как внизу в милях под ним проплывают зеленые кляксы полей, скученные, как ворох листьев, деревеньки и тянущиеся иголками вверх рощи и перелески. Внизу, за стеклом, была полнейшая тишина, в то время как на палубе ревел и бушевал новомодный заокеанский свинг. Туба натужно гудела зычным голосом, сливаясь с контрабасом и фортепиано, а после барабанного соло их гул перекрывали то тромбон, то саксофон, то и дело терявшийся в шуме других инструментов. «Ревущие двадцатые» — так ведь окрестили недавно мыслители ушедшее десятилетие? Ближе к концу они обернулись, скорее, хрипящими двадцатыми.

Виктору иногда казалось, что он слышит этот хрип во всем: в шуме парижского трамвая посреди ночи, в криках марсельских чаек и в вопле этого новомодного джаза. Ход мыслей Виктора был прерван старческим кашлем. «Не разрешите ли к вам подсесть?» — решительно спросил подтянутый сухопарый пожилой мужчина. Судя по внешнему виду, он был из породы тех, кто обычно служит проверяющим в каких-либо бюрократических муравейниках. Не окликни он Виктора, тот принял бы его поседевшие волосы, трубку, выступающую из-под куцых усов, и портфель за атрибуты стюарда-контролера. Впрочем, трубка его была пуста: курить на верхней палубе было строго запрещено.

— Конечно, присаживайтесь, — ответил Виктор.
— Простите меня за мою настойчивость... Мне показалось, что ваше лицо мне знакомо.

— Мне тоже, — ответил Виктор. — Вы, случаем, не инспектор марсельской судостроительной компании?

— Вовсе нет, в Марселе я был всего лишь проездом. Может быть, мы встречались на фронте?

— Это вряд ли. Я служил в авиации, и всех своих сослуживцев знаю довольно близко.

— Тогда, возможно, я видел вас в газете, — улыбаясь, ответил его новый знакомый. — Летчиков любят газеты.

Виктор только улыбнулся в ответ.

— А я с самой юности моей — на войне. — После этих слов старый солдат вынул трубку изо рта и оглядел зал как будто все в нем желали ему смерти. — Терпеть не могу то высокомерие, с которым эти гражданские смотрят на нас. Как будто это наша вина, что немцы победили в Великую войну.

Виктор подумал, что они так и не представились друг другу, и решил сделать это первым.

— Виктор Буше, — сказал он, привстав и протягивая руку через стол.

— Сержант Бернар Шарден. Я расскажу немного о себе, прервете старика, если совсем наскучу. Как я уже сказал, будучи еще очень юным, я решил стать военным: в двадцать три года я на

последние деньги отправился в Южную Африку. Я бросался на пули, но они отлетали от меня прочь. А потом я как-то свылся со всем, что меня окружало. Я прошел всю войну, а воевать в пехоте на западном фронте — это вам не бомбы кидать с борта самолета. Какого только дерьма мы там не хлебнули, и все впустую. Мой отец проливал кровь, чтобы отдать немцам Эльзас и Лотарингию, я прошел семь кругов ада, чтобы продать им свою душу. Это все неумный германский милитаризм — они ведь не остановятся на этой победе, а будут пытаться завоевать весь мир. Граница в считанных милях от Парижа, и никакие линии обороны нам не помогут. При желании немецкие солдаты будут стрелять по жителям Дранси или Монреа.

Наклонившись к Виктору, его новый знакомый вдруг заговорил полушепотом.

— Весь этот безумный мир катится к чертям. Я с вами делюсь, так как вы человек военный, принимавший присягу. Я работаю теперь инженером-конструктором на секретном военном заводе под Греноблем, и там мы разрабатываем новые авиабомбы. Эти малышки будут побольше всего, что вы видели, я вам скажу, — это уже не снаряды Трубы Кайзера. Как я представляю, что будет с городом, на который их будут сбрасывать с таких вот дирижаблей, — у меня холодеет на душе. Мир катится к чертям, я вам говорю...

— Мне будущее всегда представлялось не настолько мрачным, — слегка улыбнувшись, сказал Виктор. — Впрочем, я понимаю, о чем вы.

Сержант только молча покивал головой.

— Что интересно, я ваш коллега, — продолжил Виктор. — До войны я хотел стать художником, а придя с фронта, отучился на инженера. Вот так банально все и закончилось.

— И где вы работаете?

— На Марсельской судоверфи. Строим крупнейший в мире лайнер.

— Больше «Титаника» и «Бисмарка»? — явно заинтересовавшись, спросил сержант.

— Больше, — утвердительно ответил Виктор.

— Да вы действительно, должно быть, оптимист, раз, занимаясь чем-то подобным, надеетесь на лучшее, — чуть ли не со смехом ответил вояка.

— Разве надежда — это не двигатель всего человечества? — вмешался внезапно женский голос за спиной. Собеседники практически одновременно обернулись и увидели перед собой хорошенькую молодую особу лет двадцати шести в летнем бежевом платье и длинных белых перчатках.

— Кажется, кто-то из поэтов прошлого века сказал, что надежда — это «необоримое дыхание

жизни», — заключила незнакомка, присаживаясь к ним за столик.

Мужчины привстали, а потом вновь уселись на свои места.

— Элен, — сказала она, протягивая руку в перчатке Виктору. — Надеюсь, вы, господа, разрешите присоединиться к вашему спору? За другими столиками занято, а к тому же еще и страх как скучно.

— Мы не спорим с месье Буше, — решил ответить ей сержант. — Мы лишь говорим на разные темы, вот вспоминали армейское прошлое.

Виктор еще раз пристально посмотрел на девушку. Ему вспомнился марсельский пляж, прогулки по мокрому песку, освещенному заходящим солнцем, другая девушка рядом с ним и какой-то нелепый старик, обгоняющий их на старомодном, скрипящем велосипеде, который буксовал и вилял на мокром песке. Картина зажглась и потухла, как в телеидоскопе.

— Я точно могу вам сказать, что разговор о войне заведет вас в дебри политики, а там совсем близко и до спора, — вырвал его из воспоминаний женский голос.

— Не верю я, что два человека, прошедшие сквозь такой ад, будут ссориться по пустякам. У нас в батальоне, например, было много атеистов. В начале войны эти самые атеисты насмехались над католиками и прочими, любили подшутить как-нибудь. Но когда тебе шесть лет подряд сбрасывают в вонючий окоп тонны свинца и ты, барахтаясь в грязи и собственном дерьме, отчаянно пытаешься выжить, волей-неволей задумываешься, что там за чертой — только такой же ад или все-таки рай.

— А я, наоборот, слышала, что на фронте люди теряли веру, — сказала Элен.

— Так и было, — наконец прервал свое молчание Виктор, — атеисты обретали зыбкую веру, правоверные христиане ее теряли. Потому что это всего лишь фантазия — каждый воображает себе что хочет: мусульманин, буддист, иудей. Посмотрите на Германию — там создается новый человек, без предрассудков и сомнений. Нет религии, нет бремени неудобноносимых.

— Ни к чему доброму это не приведет, — заворчал сержант. — Сначала Италия, потом Германия, теперь Испания, а еще они берутся захватывать Австрию. Им и всего мира будет мало.

— Я вовсе про другое, сержант. Вот пару лет назад я читал одного немца, у него статья была о том, что в будущем все религии исчезнут, станут ненужными. По-моему, именно это и происходит сейчас в Германии.

— Мир без религии — очень, очень может быть, — сказал старый солдат, глядя на свои туфли. — Все может быть. Мир самоубийц, проституток и содомитов. Вполне верю, что это — наше будущее.

Над столиком на некоторое время нависла тишина.

— Кто-нибудь хочет спуститься со мной покурить? — спросил Виктор.

Сержант лишь отрицательно помотал головой.

— Я пойду, — сказала, вставая, Элен.

Они вышли из ресторана, прошли через салон и по коридору мимо кают, потом спустились на нижнюю палубу. Там было шумно, еще хуже, чем наверху, — гремела посуда на кухне, в каютах второго класса ютились бедняки, провинциалы, те, которым не хватало мест, спали прямо на своих набитых барахлом тюках, то там, то здесь попадались подозрительные компании, где люди играли в карты либо тайком выпивали. У входов в отсеки безвылазно дежурили стюарды-контролеры.

Вход в курилку закрывался на пневматическую дверь, внутри было крайне тесно, и, чтобы попасть внутрь, надо было подождать, пока освободится место. Попав наконец внутрь, Виктор прикурил от электрозажигалки, вмонтированной в стену, и стал смотреть сквозь толстое стекло иллюминатора.

— Мне понравился этот ваш знакомый, старый капрал...

— Сержант, — поправил Виктор.

— Да, сержант, — продолжила Элен. — Я даже хочу набросать его портрет, пока еще помнится его лицо. Упрямый и честный, на таких только и держится мир.

— Никакой он мне не знакомый, — процедил мрачно Виктор. — Так, старый дурак, решивший поспорить в дороге.

Он еще немного помолчал, глядя вдаль, а потом вновь заговорил.

— Мне иногда снится один и тот же сон. Будто спустя много лет я просыпаюсь в жуткую рань, когда солнце еще не взошло, в промозглый осенний день. Медленно собираюсь и выхожу на улицу какого-то крохотного провинциального городка, где-то в Бретани или Нормандии. И незачем мне вставать в такую рань, и незачем плестись куда-то, но я иду на набережную и смотрю, как серые волны бьются о серый камень, сливаясь на горизонте с серыми предгрозовыми тучами. И чувствую, что прожил жизнь зря, что свернул где-то не туда и что я никому здесь не нужен, и теперь каждый в этом мире меня ненавидит.

— И все?

— Дальше сон обрывается. Каждый раз. Главное, я не могу взять в толк, к чему он мне все время снится.

— Может, это просто другой мир, — сказала Элен. — Я иногда думаю, что где-то есть другие миры, где люди не летают на дирижаблях или, на-

оборот, путешествуют под землей, или там люди победили немцев и мир воцарился везде.

— Сомневаюсь, что во вселенной найдется столько места для всех этих миров.

В иллюминаторе показались купол Сакре-Кер и крыши Монмартра. В небе над городом виднелись два или три дирижабля, один из которых отчаливал от парижской аэромачты.

— Подлетаем, — сказал Виктор. — Мне нужно вернуться в кабину, забрать кое-какие бумаги.

— Тогда прощайте, — сказала Элен.

— Прощайте.

И действительно, сорок минут спустя, спускаясь вниз в лифте, ни на площадке, ни у подножия аэромачты Элен его не увидела. Зато вновь столкнулась с сержантом. Тот страшно обрадовался, увидев ее, так как страстно хотел что-то ей сообщить.

— Я вспомнил, вспомнил. Я сказал ему, что где-то его видел, но никак не мог вспомнить, где. Я действительно видел его фото в газете. Это был пятнадцатый год, август пятнадцатого года, нам на Западном фронте была просто необходима поддержка с воздуха, на нас с двух сторон наседали немцы с тяжелой артиллерией и авиацией. И вот в самый нужный момент на каком-то аэродроме начался пожар, взорвались все баки с топливом. Сгорела казарма, погибло человек двадцать, а спасся оттуда вот этот малый. И главное, на него пало подозрение — говорили, что он и был поджигателем, диверсантом, только доказательств никаких не было, и трибунал его оправдал. А нам пришлось сдать позиции немцам. Весь наш батальон тогда его проклинал. И зачем я с ним разговаривал?! Каждый раз, как выпью, пусть даже немного, хоть пару бокалов шампанского, тянет на разговор. И кой черт дернул меня открывничать именно с ним...

Виктор Буше в это время уже шагал по парижской мостовой. Мимо грохотали трамваи и автомобили, выкрикивали фразы из газет мальчишки на углах. Виктор зашел на телеграфную станцию и передал сложенный вдвое листок в окошко.

— Отправьте телеграммой в Берлин. Адрес и имя написаны сверху.

На листке было написано:

«Фрау Файнберг.

Благодарю вас за восхитительные гостинцы. Как поживают ваши домашние? Прошу, передайте супругу, что недавно встретил пекаря из Гренобля, который печет превосходную и свежайшую выпечку и готов импортировать ее и в Германию. Не стоит ли вам связаться с ним и уточнить?

Всех благ, Месье Буше».

— Телеграмму сверхмолнией отправить? — спросила телеграфистка.

— Да нет, никакой спешки нет. Отправляйте простой, к завтрашнему утру ведь должно поспеть?

— Да, может, она и сегодня к вечеру получит, — улыбнулась та.

— Вот и славно.

Выйдя с телеграфа, Виктор вновь уверенно зашагал дальше по мостовой. Весь мир принадлежал ему, мир, где не тонул «Титаник», где немцы не проигрывали Великую войну, не падал «Гинденбург», где не было поджога Рейхстага, не было метро и самолетов, где Эйфелева башня была всего-навсего трехсотметровой парижской аэромачтой. Это был его мир, и в этом мире его ждало безоблачное будущее и головокружительная карьера — вовсе не на Марсельской судовой верфи. Она должна была начаться завтра — ведь завтра начнется война.